

КРУПНОЕ ПОМЕЩИЧЬЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ БЕЛАРУСИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1861–1914 гг.): СТРУКТУРА, ЭВОЛЮЦИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А. Е. Веремейчик

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск, Беларусь, Verameichyk@bsu.by

В статье на основе широкого круга источников, включая материалы статистических обследований землевладения, и с опорой на фундаментальные труды по аграрной истории России, анализируется феномен крупного помещичьего землевладения (латифундий) на территории белорусских губерний (Минской, Могилевской, Витебской, Гродненской и части Виленской) в 1861–1914 гг. Исследуется динамика сокращения дворянского землевладения, его структура и концентрация. Особое внимание уделяется социальному и фамильному составу крупнейших землевладельцев, их роли в экономической жизни региона. В статье рассматриваются основные формы хозяйственной деятельности в латифундиях, выявляется степень их адаптации к капиталистическим отношениям, включая использование наемного труда, развитие промышленных производств и системы арендных отношений. Отдельно анализируется роль ипотечного кредита, в частности операций Государственного Дворянского земельного банка, как механизма поддержки и одновременно фактора мобилизации помещичьих земель. Делается вывод о ключевой, но противоречивой роли латифундий в аграрной эволюции Беларуси, сочетавшей в себе элементы капиталистической модернизации с сохранением значительных полукрепостнических пережитков.

Ключевые слова: аграрная история Беларуси; пореформенный период; Российская империя; крупное помещичье землевладение; латифундия; дворянство; Государственный Дворянский земельный банк; капиталистическая эволюция; структура землевладения; аренда; аграрный строй.

Аграрный вопрос, являлся стержневым в социально-экономической и политической истории Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. Отмена крепостного права в 1861 г. дала старт процессу буржуазной трансформации страны, однако ее характер и темпы во многом определялись сохранением крупного помещичьего землевладения. Если в целом по Европейской России помещичье хозяйство постепенно уступало доминирующие позиции крестьянскому, то в западных губерниях, составляющих территорию современной Беларуси, ситуация имела ярко выраженную специфику. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что именно здесь концентрация земельной собственности в руках узкой группы латифундистов достигала максимальных по империи значений. Эти «дворянские гнезда», часто принадлежавшие представителям старинной польско-литовской аристократии, выступали

не просто как хозяйствующие субъекты, но и как важнейшие центры социально-политического влияния. Понимание механизмов их функционирования, адаптации к новым рыночным условиям и неизбежной деградации является ключом к анализу предпосылок и хода революционных событий 1905–1917 гг. в данном регионе.

Объектом исследования выступает крупное частное (преимущественно дворянское) землевладение на территории Минской, Могилевской, Витебской, Гродненской и сопредельных уездов Виленской губерний. Предметом – динамика, структура, социально-экономическая характеристика и кредитно-финансовые механизмы функционирования этих имений в период 1861–1914 гг.

Историография проблемы достаточно обширна и представлена как классическими трудами, так и современными исследованиями. Фундаментальный вклад в изучение помещичьего хозяйства пореформенной России внес А.М. Анфимов. В своей монографии «Крупное помещичье хозяйство Европейской России (Конец XIX - начало XX века)» он на огромном статистическом материале вскрыл «консерватизм, косность, хозяйственный паразитизм» крупных землевладельцев, доказав, что латифундии являлись сильнейшим тормозом общественного прогресса [1].

И. Д. Ковальченко, анализируя аграрный строй России в целом, выделил два пути буржуазной аграрной эволюции – «пруссский» (медленная трансформация помещичьего хозяйства) и «американский» (фермерский). Он отмечал, что в западных районах, включая Литву и Юго-Запад, помещичье хозяйство (в отличие от большинства других регионов) занимало ведущее положение на рынке и могло оказывать определяющее воздействие на ход аграрного развития [2].

Особую ценность для нашего исследования представляют работы, сфокусированные на региональной специфике и конкретных аспектах проблемы. Л. П. Минарик в своем труде «Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в.» приводит ценные данные по фамильному составу и экономической деятельности латифундистов Беларуси, выделяя такие фамилии, как Пусловские, Радзивиллы, Потоцкие, Хрептович-Бутеневы и Святополк-Мирские [3]. Вопросы ипотечного кредитования и роли банков в поддержке дворянства глубоко проанализированы в работах Н. А. Проскураковой, исследовавшей земельный кредит в общероссийском масштабе [4], и А. П. Житко, чья статья посвящена непосредственно деятельности Дворянского земельного банка в Беларуси. А. П. Житко справедливо отмечает, что банк, созданный для поддержки потомственных дворян, постепенно трансформировался в бессловный институт, спо-

собствуя переходу земли к «более предприимчивым, экономически сильным» владельцам [5].

Источниковая база исследования опирается, в первую очередь, на опубликованные материалы правительственной статистики. Ключевым источником являются данные «Статистики землевладения 1905 г.», изданные Центральным Статистическим Комитетом. В частности, материалы по 50 губерниям Европейской России [6] и «Статистическій Справочникъ по аграрному вопросу» под редакцией Н. П. Огановского и А. В. Чаянова [7] позволяют выявить точные данные о распределении земель по категориям владельцев, сословиям и размерам владений. Эти источники дают неопровержимые доказательства высочайшей концентрации земли в руках дворянства именно в западных губерниях. Административно-территориальное деление, являвшееся рамкой для функционирования имений, представлено в выпусках ЦСК «Волости и гмины 1890 года» по Минской [8], Витебской [9] и Гродненской [10] губерниям. Важные сведения о механизмах расширения крестьянского землевладения (и, соответственно, сокращения помещичьего) через Крестьянский Поземельный Банк содержатся в брошюре «Какъ крестьянамъ увеличить свое землевладѣніе» [11].

Таким образом, сочетание макростатистических данных из первоисточников с глубокими аналитическими выводами, представленными в историографии, позволяет провести комплексное исследование заявленной темы.

Отмена крепостного права нанесла сокрушительный удар по экономической монополии дворянства, однако в его руках по-прежнему оставались огромные земельные массивы. Пореформенный период стал временем неуклонного сокращения дворянского землевладения, однако темпы и характер этого процесса в белорусских губерниях имели существенные отличия от центрально-российских.

Ключевой особенностью региона была беспрецедентная концентрация земли. Статистические данные начала XX века красноречиво свидетельствуют об этом. Обратимся к итогам обследования 1905 года. В «Статистическомъ Справочникѣ. Землевладѣніе въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи за 1905 годъ» приводятся данные о распределении частной земельной собственности по сословиям владельцев [6, с. 4–5]. Если в целом по 50 губерниям в руках дворян находилось 52,1% всей частновладельческой земли (53,2 млн. десятин), то в губерниях Северо-Западного края (куда входили Витебская, Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская) и Юго-Западного этот показатель был значительно выше.

Более детальный анализ, представленный в «Статистическомъ Справочникѣ по аграрному вопросу» (1917 г.), позволяет конкретизировать эту картину. В разделе «Распредѣленіе частновладѣльческихъ земель по группамъ владѣній» приводятся данные по 47 губерниям Европейской России на 1905 год. Общая площадь частных владений составляла 101,7 млн десятин. Из них на долю дворян приходилось 53,2 млн десятин, или 52,4% [7, с. 8, 10].

Рассмотрим распределение по размерам владений. Крупнейшие латифундии (свыше 10 000 десятин) составляли ничтожную долю от общего числа владельцев (0,2%), но концентрировали в своих руках 23,8% всей частновладельческой земли – 24,2 млн десятин. В то же время на долю мелких владений (до 50 десятин), составлявших 54,6% всех собственников, приходилось лишь 3,2% земли [7, с. 8–9].

Эта диспропорция была особенно ярко выражена в Беларуси. Именно здесь располагались имения, входившие в категорию гигантских. В Гродненской губернии, согласно данным ЦСК 1890 г., насчитывалось 8 уездов, 168 гмин (административная единица, аналогичная волости в польских губерниях) и 792 сельских общества [10, с. 6]. В Минской губернии было 9 уездов и 164 волости [8, с. 4–5], в Витебской – 11 уездов и 183 волости [9, с. 4–5]. Вся эта сложная административная система на низовом уровне была пронизана сеткой частных латифундий, чьи границы зачастую не совпадали с крестьянскими наделами и административными единицами, создавая сложную чересполосицу и экономическую зависимость крестьянских обществ от помещика.

Процесс мобилизации земли, т. е. ее переход от дворянства к другим сословиям (купцам, мещанам и, в особенности, крестьянам), шел в Беларуси медленнее, чем в центре. А.М. Анфимов, анализируя эти процессы, отмечал, что «наибольшей устойчивостью отличалось дворянское землевладение в Прибалтике, Литве и Белоруссии» [1, с. 31]. Причин тому было несколько. Во-первых, это покровительственная политика правительства, особенно усилившаяся после польского восстания 1863 г. и направленная на поддержку «русского» (хотя де-факто часто обрусевшего польского или немецкого) дворянства в крае. Во-вторых, более высокая доходность имений, обусловленная близостью к европейским рынкам сбыта (лес, лен, спирт) и более интенсивными формами ведения хозяйства (винокурение, лесопилки).

Тем не менее, и здесь дворянство неуклонно теряло землю. С 1877 по 1905 гг. площадь дворянского землевладения в 50 губерниях Европейской России сократилась с 73,1 млн десятин до 53,2 млн, то есть на 27,2% [7, с. 10]. Этот процесс шел в основном за счет продажи земель крестьянам, активно пользовавшимся ссудами Крестьянского Поземельного Бан-

ка. Специальные издания разъясняли крестьянам механизмы покупки земли как у частных владельцев, так и у самого Банка, а также правила залога земель для получения ссуд [11, с. 3–5].

Несмотря на это сокращение, именно на начало XX в. концентрация земли в белорусских губерниях оставалась вопиющей. Л.П. Минарик, проведя колоссальную работу по выделению группы «крупнейших земельных собственников» (владельцев свыше 50 000 десятин), установила, что на 1905 г. в эту группу входило 283 фамилии, владевших 24,1 млн десятин. И значительная часть этих латифундий располагалась именно в западных губерниях [3, с. 3–5].

Таким образом, статистический анализ источников показывает, что аграрный строй Беларуси в пореформенный период характеризовался доминированием крупного латифундиального землевладения. Концентрация земли в руках узкой группы дворян-аристократов здесь была значительно выше среднероссийских показателей. Хотя и в этом регионе шел процесс «мобилизации» земли и сокращения дворянских владений, он протекал медленнее и был отягощен как политическими, так и экономическими особенностями края. Эта статистическая рамка позволяет нам перейти к анализу социального облика и хозяйственной деятельности тех, в чьих руках находились эти земельные богатства.

За безликими статистическими данными о миллионах десятин скрывались конкретные фамилии и судьбы, составлявшие элиту не только региона, но и всей империи. Анализ социального и фамильного состава крупнейших землевладельцев Беларуси является ключом к пониманию их экономической стратегии и политического влияния.

Как уже отмечалось, белорусские губернии были средоточием гигантских состояний. Л. П. Минарик в своем исследовании приводит конкретные данные по персональному составу крупнейших помещиков. Значительная часть этих фамилий имела польские или литовские аристократические корни. Это были Радзивиллы, Потоцкие, Пусловские, Тышкевичи, Хрептович-Бутеневы.

Например, в Минской губернии располагались огромные владения Пусловских. В частности, им принадлежали имения Телеханы (41 378 дес.), Пески (11 774 дес.), Шиловичи-Альбертин (9 497 дес.) и другие. Князья Святополк-Мирские владели в той же губернии имениями Мир-Замирье (8 251 дес.), Уша (1 056 дес.) и Городея (1 478 дес.), а также значительными землями в других регионах. Графам Хрептович-Бутеневым принадлежали родовые имения, известные с XV-XVI вв., в том числе Щорсы и Негнеевичи в Минском уезде (10 692 дес.) и Вишнево в Ковенской губернии (19 132 дес.) [3, с. 70–74].

Эти данные показывают, что основу латифундиального землевладения составляли старинные, унаследованные «гнёзда» (майораты), передававшиеся из поколения в поколение. Это во многом определяло консерватизм хозяйственных практик, нежелание расставаться с землей даже при ее низкой доходности и стремление сохранить «статус-кво» любыми способами, в том числе активно прибегая к государственным субсидиям и кредитам.

Сословный состав был преимущественно дворянским, однако пореформенная эпоха вносила свои коррективы. Происходила постепенная «буржуазная» инфильтрация. Землю, пусть и в меньших масштабах, начинали приобретать купцы, почетные граждане и даже разбогатевшие крестьяне.

Однако в сегменте латифундий (свыше 10 000 дес.) дворянская монополия оставалась практически незыблемой вплоть до 1914 г.

Переход от барщинной системы к капиталистической в белорусских латифундиях шел по так называемому «прусскому» (юнкерскому) пути, что подробно теоретически обосновано в трудах И.Д. Ковальченко. Этот путь подразумевал медленное перерастание крепостнического хозяйства в буржуазное при сохранении у помещика не только земли, но и политической власти, и полуфеодальных методов эксплуатации крестьянства.

Основными формами этой эксплуатации в пореформенный период стали отработочная и издольная системы. Крестьяне, страдавшие от малоземелья (о чем косвенно свидетельствуют брошюры, призывающие к переселению и покупке земли [12]), были вынуждены арендовать у помещика землю, расплачиваясь за нее своим трудом на господской запашке («отработки»). Эта система, по сути, являлась прямым пережитком барщины и тормозила как развитие помещичьего, так и крестьянского хозяйства.

Однако было бы неверным представлять все латифундии как исключительно паразитические и стагнирующие. А. М. Анфимов, критикуя косность помещичьего хозяйства в целом, все же признавал наличие в нем и капиталистических элементов. В белорусских губерниях, в силу их географического положения (близость к портам Балтики и рынкам Царства Польского и Германии), эти элементы были выражены сильнее, чем в Центрально-Черноземном регионе.

Во-первых, это касалось лесного хозяйства. Огромные лесные массивы, которыми изобиловали Минская и Могилевская губернии, становились объектом хищнической, но весьма прибыльной капиталистической эксплуатации. Лес шел на экспорт, принося владельцам латифундий твердую валюту.

Во-вторых, многие имения обзаводились собственными промышленными предприятиями, работавшими на местном сырье. Л.П. Минарик указывает, что крупнейшие землевладельцы активно вкладывались в акционерные предприятия и развивали собственное производство [3, с. 73]. Классическим примером для Беларуси являлось винокурение. Винокуренные заводы были неотъемлемой частью практически любого крупного имения. Они перерабатывали собственный картофель и зерно в спирт, который являлся высоколиквидным товаром. Также развивались лесопильные, кирпичные, дегтярные заводы.

В-третьих, в передовых имениях (хотя их доля и была невелика) происходил переход к вольнонаемному труду и использованию сельскохозяйственной техники. Однако в большинстве хозяйств капиталистическая организация (работа по найму, использование машин) причудливо переплеталась с отработочной системой, создавая гибридные, малоэффективные формы хозяйствования.

Особое место в экономической структуре латифундий занимала аренда. Не имея возможности или желания вести собственное капиталистическое хозяйство на всей огромной территории, помещики сдавали значительную часть земель в аренду. Аренда была двух типов:

1. Крупная предпринимательская аренда. Землю (часто целые имения или «фольварки») арендовали капиталистические предприниматели (нередко из купцов или иностранцев) для ведения интенсивного хозяйства, ориентированного на рынок.

2. Мелкая «крестьянская» аренда. Это была самая массовая форма. Крестьяне арендовали небольшие участки пашни, сенокосы, пастбища. Как уже говорилось, плата за эту аренду часто взималась не деньгами, а трудом (отработки), что ставило крестьянина в кабальную зависимость от помещика и консервировало полукрепостнические отношения.

М. В. Неручев в своей работе «Русское землевладѣніе и земледѣліе» (1877 г.) ярко критиковал хищническую эксплуатацию земли через посредников-арендаторов, проводя параллели с Ирландией и отмечая, что это приводит к нищете населения [13, с. 3]. Хотя он писал о южных губерниях, эта характеристика во многом была применима и к белорусским латифундиальным хозяйствам, где аренда часто вела не к развитию, а к истощению земли.

Таким образом, экономический облик крупного помещичьего хозяйства в Беларуси был крайне противоречив. С одной стороны, мы видим гигантские латифундии, принадлежавшие старой аристократии и сохранявшие полуфеодальные методы эксплуатации (отработки). С другой – эти же хозяйства демонстрировали элементы капиталистической адаптации: ориентацию на экспортные отрасли (лес, спирт), создание промыш-

ленных предприятий и использование наемного труда. Однако этот «пруссский» путь развития был медленным, болезненным и не решал главной проблемы – аграрного перенаселения и малоземелья крестьянства, что неумолимо вело регион к социальному взрыву.

Эволюция помещичьих хозяйств в пореформенный период не может быть понята без анализа ключевого финансового инструмента, который, с одной стороны, был призван спасти дворянство от разорения, а с другой – объективно способствовал мобилизации земельной собственности. Речь идет о системе государственного и частного ипотечного кредита.

После 1861 г. поместное дворянство, лишившись дарового труда крепостных, столкнулось с острой нехваткой оборотного капитала для перестройки хозяйства на капиталистических рельсах. Многие имения были заложены еще в дореформенных кредитных установлениях. Необходимость выплачивать долги и одновременно инвестировать в хозяйство (покупка инвентаря, наем рабочих) ставила многих на грань банкротства.

В этих условиях правительство Александра III, проводившее политику поддержки «первенствующего сословия», пошло на создание специального кредитного учреждения. В 1885 г. был учрежден Государственный Дворянский земельный банк (ГДЗБ).

Как справедливо указывает А. П. Житко в своем исследовании, посвященном деятельности этого банка в Беларуси, он создавался именно с целью поддержки землевладения потомственных дворян [5, с. 33–34]. Банк предоставлял долгосрочные (до 48 лет) и сверхльготные ссуды под залог дворянских имений. Процент по ссудам был значительно ниже, чем в частных акционерных земельных банках, которые также активно развивались в этот период [4, с. 4–5].

В белорусских губерниях, где концентрация дворянского землевладения была максимальной, деятельность ГДЗБ приобрела огромный размах. Латифундисты, владевшие десятками тысяч десятин, активно закладывали свои имения, получая под них колоссальные ссуды. Эти средства, однако, далеко не всегда шли на модернизацию хозяйства. А.М. Анфимов отмечал, что значительная часть полученных кредитов шла на личное потребление, уплату старых долгов или попросту «проедалась», усугубляя, а не решая проблему.

Сборник «Россия сельская» также подтверждает, что Дворянский банк был ключевым элементом экономической политики, направленной на консервацию дворянского землевладения [14, с. 40–41]. Банк неоднократно получал субсидии от казны, чтобы покрыть убытки от невозврата ссуд и иметь возможность продолжать льготное кредитование.

Несмотря на свою охранительную, сословную задачу, Дворянский банк объективно стал мощнейшим фактором мобилизации земли. Полу-

чив ссуду, помещик часто не мог ее обслуживать. Недоимки по платежам росли. В конечном итоге банк был вынужден назначать имения в продажу с публичных торгов.

И здесь происходила трансформация: банк, созданный для дворян, начинал продавать заложенные имения представителям других сословий – купцам, мещанам, зажиточным крестьянам, которые были готовы предложить за землю реальную цену. При продаже имений долги просто переводились на новых владельцев. Таким образом, банк постепенно превращался в «бессловный». Этот процесс, по сути, означал принудительный переход земли из рук деградирующей аристократии в руки нового, «буржуазного» класса собственников. Н. А. Проскурякова в своем исследовании, посвященном земельному кредиту, подчеркивает именно эту двойственную роль: с одной стороны – поддержка, с другой – ускорение мобилизации [4, с. 4–7].

Параллельно с Дворянским банком действовал Крестьянский Поземельный Банк (создан в 1882 г.), миссией которого была выдача ссуд крестьянам (частным лицам, товариществам и целым обществам) на покупку земли [11, с. 4–8]. Основными продавцами этой земли выступали те же дворяне. Таким образом, государство кредитовало обе стороны процесса: дворян – чтобы они не разорялись, и крестьян – чтобы они покупали дворянскую землю.

В белорусских губерниях этот процесс имел свою специфику. Из-за высокого спроса на землю (аграрное перенаселение) и ее относительно высокой доходности (по сравнению с неурожайным центром), цены на землю росли. Помещики, особенно владельцы огромных латифундий, часто дробили свои имения на части и распродавали их через Крестьянский банк, извлекая значительную выгоду.

Таким образом, система ипотечного кредита, задуманная как «спасательный круг» для поместного дворянства, на деле лишь отсрочила его крах, но не смогла его предотвратить. Она обнажила нежизнеспособность многих латифундиальных хозяйств в новых капиталистических условиях. Кредит превратил землю из сословной привилегии в товар, объект залога и купли-продажи. К 1914 году значительная часть дворянских имений в Беларуси была заложена и перезаложена в Дворянском и частных банках, что делало их экономическое положение крайне неустойчивым накануне великих потрясений.

Проведенный анализ крупного помещичьего землевладения на территории Беларуси в 1861–1914 гг. позволяет сделать ряд выводов.

1. Аграрный строй пореформенной Беларуси характеризовался доминированием латифундиальной системы. Концентрация земельной собственности в руках узкой группы дворян-аристократов (часто польско-

литовского происхождения, как Радзивиллы, Потоцкие, Пусловские) была одной из самых высоких в Европейской России, что подтверждается данными статистических источников.

2. Эволюция этих латифундий в капиталистическую эпоху шла по медленному и мучительному «прусскому» пути, сочетавшему в себе архаичные формы эксплуатации (отработки, кабальная аренда) с элементами буржуазной модернизации. Последние были выражены сильнее, чем в центре России, в силу ориентации на экспортные отрасли (лесное хозяйство, винокурение).

3. Несмотря на отдельные примеры успешной адаптации, большинство латифундий демонстрировало низкую экономическую эффективность и хозяйственный консерватизм. Это вынуждало помещиков прибегать к массовому ипотечному кредитованию.

4. Ключевую роль в финансовой поддержке дворянства играл Государственный Дворянский земельный банк. Однако деятельность этого банка имела двойственный эффект. Задуманный как сословный инструмент консервации, он на деле стал механизмом принудительной мобилизации земли, переводя ее из рук неэффективных аристократических собственников в руки новых, более предприимчивых владельцев.

К 1914 г. крупное помещичье землевладение в Беларуси, несмотря на всю свою внешнюю мощь, было глубоко подорвано изнутри. Оно лишилось экономической монополии под давлением растущего крестьянского и нового «буржуазного» землевладения и было опутано гигантскими ипотечными долгами. Эта экономическая слабость, помноженная на острейшее социальное напряжение в деревне, вызванное малоземельем и полукрепостническими пережитками, сделала белорусские губернии одним из очагов аграрной революции 1917 г.

Библиографические ссылки

1. *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX - начало XX века). М. : Наука, 1969.

2. *Ковальченко И. Д.* Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М. : РОСПЭН, 2004.

3. *Минарик Л. П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX - начала XX в.: Землевладение, землепользование, система хозяйства. М. : Советская Россия, 1971.

4. *Проскуракова Н. А.* Земельный кредит и буржуазно-аграрная эволюция России в конце XIX – начале XX веков : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02. М., 1993.

5. *Жытко А. П.* Дзейнасць Дваранскага зямельнага банка ў Беларусі па падтрымцы дваранскага землеўладання. 1886–1914 гг. // Гісторыя Беларусі: новае ў

даследаванні і выкладанні : матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, 27 сакавіка 1999 г. Мінск : БДПУ, 1999.

6. Статистический Справочникъ. Землевладѣніе въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи за 1905 годъ. СПб. : Типографія «Т-ва Художественной Печати», 1907.

7. Статистическій Справочникъ по аграрному вопросу. Выпускъ 1: Землевладение и Землепользование / под ред. Н. П. Огановскаго и А. В. Чаянова. М. : Универсальная Библиотека, 1917.

8. Статистика Российской Империи. XV. Выпускъ 22. Волости и гмины 1890 года. XXII. Минская губернія. СПб. : Издание Центрального Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1890.

9. Статистика Российской Империи. XV. Выпускъ 5. Волости и гмины 1890 года. V. Витебская губернія. СПб. : Издание Центрального Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1890.

10. Статистика Российской Империи. XV. Выпускъ 11. Волости и гмины 1890 года. XI. Гродненская губернія. СПб. : Издание Центрального Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1890.

11. Какъ крестьянамъ увеличить свое землевладѣніе при помощи Крестьянскаго Банка и землеустроительныхъ комиссій. СПб., 1909.

12. *Баръ Ф.* Общинное землевладѣніе, малоземелье, переселеніе и земледѣльчeskій, экономическій и торговый кризисъ въ Россіи. СПб. : Типографія В. Киршбаума, 1886.

13. *Неручев, М. В.* Русское землевладѣніе и земледѣліе. М. : Университетская типографія (М. Катковъ), 1877.

14. Россия сельская. XIX – начало XX века / отв. ред. А. П. Корелин. М. : РОС-СПЭН, 2004.